зрителем к театру. Хотя Плавильщиков в этой статье и утверждает, что «слог комедии должен быть самый простой, употребительный в общежитии и чтоб всякое действующее лицо тем наречием говорило, какое ему свойственно», но, сказав это, он тут же добавляет: «Однако ж сочинитель должен сколько возможно благороднее заставлять говорить всякого, поколику в театре одни только благородные истинными зрителями почесться могут, в их ушах грубые и подлые речи производят сильное трепетание, а иногда и самую боль» (август, л. 2). Таким образом, забота о слухе «благородных» заставляет Плавильщикова существенно ограничивать свое реалистическое требование, «чтобы всякое действующее лицо тем наречием говорило, какое ему свойственно».

Рассуждения Плавильщикова о трагедии менее интересны. Тут он повторяет известные положения классицизма о том, что пафос трагедии в утверждении, что в ней должен соблюдаться высокий стиль и что оканчиваться она должна торжеством добродетели. Обращает на себя внимание протест Плавильщикова против введения в трагедию ужасных эффектов. «Не могу видеть на театре чрезмерную жестокость», — заявляет он и поясняет: «Я желаю, чтоб меня трогали одни чувства, и, действительно, они только удобны привлекать наше сердце; они несравненно более трогают его и извлекают слезы у зрителя, нежели те ужасные предметы, которые только устрашают человека» (август, л. 2).

Приведенное высказывание обращено против тенденции заменять психологические коллизии, на которых были основаны лучшие классицистические трагедии, внешней занимательностью фабулы, изображением убийств, физических страданий и т. п. Эта тенденция особенно ярко проявилась во французской драматургии в период разложения классицистической трагедии. Представителем ее был Кребильон-старший, наводнивший свои трагедии всевозможными ужасами и преступлениями, а теоретиком — Батте.

Против этой тенденции и выступил Плавильщиков, потому что она нашла отражение и в русской драматургии середины XVIII века, в частности в пьесах Хераскова, например, в его трагедии «Венецианская монахиня», где фигурирует героиня с выколотыми глазами, или в драме «Безбожник», герой которой совершает одно преступление за другим. По-видимому, именно последняя пьеса и вызвала осуждение Плавильщикова. «„Безбожного“, — писал он, — трагедию хотя и многие почитают из наилучших, но для меня она слишком сурова; я не могу смотреть на сие без ужаса, самое же окончание ее произвело